

проникнуты тем гуманным характером, тою смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на учеников. Когда в 40-х годах с кафедры раздаётся голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правах по сословиям и вероисповеданиям - приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством. Смелое слово учителя не оставалось без влияния на учеников: известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгодной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из университета».

СВОИ методы преподавания Дмитрий Мейер изложил в отдельной работе. Он выступал за тесную связь юридической теории и практики в процессе преподавания. Мейер подчеркивал, что изучение студентами теоретических положений гражданского права должно сочетаться с разбором казусов, взятых из юридической практики. «Решение юридических случаев по гражданскому праву должно быть изустное и письменное: первым учащийся занимается в присутствии наставника, по большей части *ex tempore*, второе происходит на дому. Случаи должны быть задаваемы с соблюдением постепенности относительно трудности и с требованием ссылок на существующие юридические определения».

Задавшись целью показать студентам процесс применения законодательства на практике, Мейер реализовал проект создания при университете юридической клиники, где лично консультировал всех желающих. «Устройство этой клиники весьма простое. Бедные люди, нуждающиеся в советах и помощи по каким-либо касающимся их в присутственных местах делам, обращаются по усмотрению своему к заведывающему практикою, в присутствии его учеников сообщают надлежащий случай, который и подвергается обсуждению, результатом чего может быть, смотря по данным, какое-либо одобряемое наставником указание. По желанию советующегося тут же может быть для него безвозмездно сочинена нужная бумага».

Таким образом, Дмитрий Мейер был не только крупным ученым-цивилистом, но и педагогом-новатором, открывшим новые горизонты в университетском юридическом образовании. Знаменитый публицист Николай Чернышевский, проникнувшись педагогическими идеями Мейера, горячо поддерживал многосторонний труд последнего на ниве просвещения. Чернышевский относил Мейера к «заслужившему столь лестную известность... одному из лучших наших профессоров правоведения». Публицист называл устройство Мейером юридической клиники «родом занятий, без сомнения,

могущим принести самые прекрасные плоды».

Восхищаясь деятельностью Мейера, критик отмечал: «Постоянно мыслю его было улучшение нашего юридического быта силою знания и чести... Задуманным его стремлением было соединение юридической науки с юридической практикой. Он устроил при своих лекциях в университете консультацию и сам занимался ведением судебных дел, разумеется, без всякого вознаграждения (это был человек героического самоотвержения), с целью показать своим воспитанникам на практике, как надобно вести судебные дела». В одном из случаев Мейер доказал преднамеренность банкротства казанского купца, после чего тот пришел к ученому со словами раскаяния за совершенные махинации.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИ образованный и исключительно порядочный в своих отношениях с окружающими, Мейер завоевал расположение студентов, и стал, в их глазах, лучшим преподавателем в Казанском университете. Еще один из его учеников вспоминал: «Строгий к самому себе, весь отдавшийся науке и жизни, он был строг и к другим; оценка Дмитрием Ивановича была редко погрешима; его любимцы были постоянно лучшими во всех отношениях, и, сколько я знаю, были безупречны в последующей жизни... Мы записывали за Дмитрием Ивановичем только начало лекций; но потом, когда он воодушевлялся, когда его стройная, в высшей степени гармоническая речь текла неудержимым потоком, когда его бледное, прекрасное лицо отвечало внутреннему движению, мы все бросали перья и превращались в слух, боясь проронить слово».

Дмитрий Мейер обладал умением отличать талантливых студентов практически с первого взгляда. Осенью 1845 года на юридический факультет с восточного отделения философского факультета перешел 17-летний граф Лев Толстой. Учеба на

Лев Толстой – студент

востоковеда у будущего писателя не заладилась, и он решил стать юристом.

Познакомившись с Толстым, Мейер поручил ему подготовку сочинения, в котором требовалось сопоставить два знаменитых юридических памятника. Много лет спустя Толстой вспоминал: «Когда я был в Казани в университете..., там был профессор Мейер, который заинтересовался мною и дал мне работу - сравнение «Наказа» Екатерины с «*Esprit des lois*» Монтескье. И я помню, меня эта работа увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься».

Работа над этим исследованием, впрочем, была недостаточной для получения высоких оценок на зимних полугодичных экзаменах 1846/47 учебных годов. Сдавая

Мейеру историю русских гражданских законов, Толстой получил два балла. После этого преподаватель обратился к одному из студентов: «Знакомы ли вы с Т[олстым]? Сегодня я его экзаменовал и заметил, что у него вовсе нет охоты серьезно заниматься, а жаль: у него такие выразительные черты лица и такие умные глаза, что я убежден, что при доброй воле и самостоятельности он мог бы стать замечательным человеком».

Сославшись на «расстроенное здоровье, домашние обстоятельства» и «нежелание продолжать обучение», Лев Толстой в апреле 1847 года подал прошение о своем исключении из числа студентов Казанского университета. Не став, таким образом, ни востоковедом, ни юристом, он в зрелом возрасте прославился литературным трудом. И в этом, конечно, была доля заслуги его учителя Мейера.

НЕВЗИРАЯ на загруженность научно-педагогической работой, Дмитрий Мейер вел подготовку магистерской и докторской диссертаций, которые защитил всего в течение двух лет. В мае 1846 года ученый был удостоен степени магистра гражданского права за исследование «Опыт о праве казны по действующему законодательству». Биограф Мейера профессор Адольф Гольмстен отмечал, что оно, представленное в университет в виде рукописи, было затем передано некоему книгоиздателю, но в напечатанном виде так и не появилось.

Уже через два года Мейер получил степень доктора гражданского права за диссертацию «О древнем русском праве залога», которая была позднее опубликована. С июля 1852 года ученый занимал должность ординарного профессора кафедры гражданских законов.

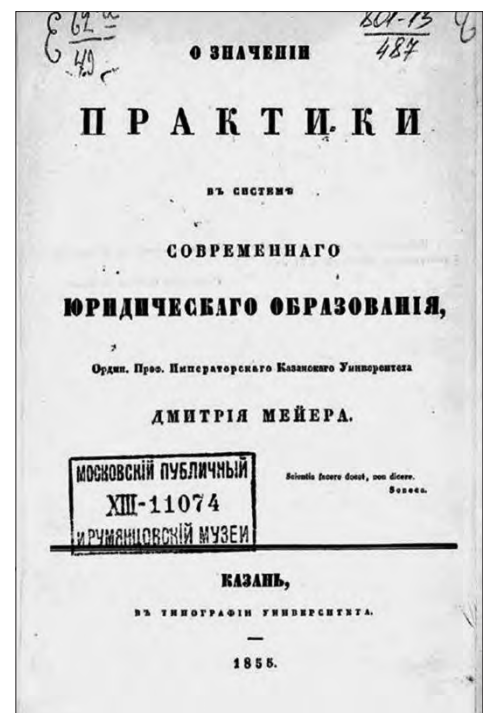
«История русских гражданских законов» являлась предметом, который Мейер также преподавал в университете, поэтому тема, избранная ученым для докторской диссертации, вполне объяснима. Проведя тщательный анализ древних юридических актов, автор пришел к выводу, что, в отличие от многосторонней трактовки понятия залога и связанных с ним правовых отношений в римском и германском праве, залог имущества в праве допетровской России был тождественен «владению, которое безусловно принимается за собственность».

Свидетельством признания заслуг Дмитрия Мейера со стороны коллег стало его избрание в декабре 1853 года деканом юридического факультета.

При этом сам он не стремился к административной работе. «Мое честолюбие, право не просит на поприще деканских заслуг; я питаю честолюбие профессора – руководителя юношества, а не чиновника. Не будучи очень усидчивым и слабого здоровья, должен опасаться, что деканство отвлечет меня от других, более сообразных моим склонностям, занятий», – признавался он в письме к другу.

Мейер тяготился новой должностью также и потому, что желал вернуться обратно в родной Петербург, считая Казань чужим для себя городом, куда он попал не по своей воле. В столице оставались его родители и другие родственники. Возможность покинуть Казань представилась ему летом 1855 года. После ухода из Петербургского университета известного цивилиста Константина Неволина Мейер намеревался занять там кафедру гражданских законов. Согласование его перевода на новое место затянулось, и ученый приступил к чтению лекций в Петербургском университете только в декабре. Впрочем, ему удалось до того устроиться преподавателем и в училище правоведения.

Однако долгой научной карьере Дмитрия Мейера не суждено было состояться. Он смолodu не отличался крепким здоровьем, часто болел, и в Петербурге у него обострилась давняя чахотка. В январе 1856 года Мейер скончался, до последних дней жизни продолжая заниматься любимым делом.

Ученики и коллеги глубоко сожалели о безвременном уходе ученого, повлиявшего не только на современников, но и на последующие поколения цивилистов. Примечательны слова, принадлежащие профессору римского права Василию Нечаеву: «М[ейер] был не только выдающийся юрист практического направления, но и широко образованный человек.

Только благодаря этому он мог, несмотря на чрезвычайную ограниченность тогдашней русской юридической литературы, дать труды по русскому праву, во многом далеко опередившие его время, хотя и стоявшие под его неизбежным влиянием, и потому теперь отчасти устаревшие. М[ейера] можно, без преувеличения, назвать отцом науки русского гражданского права».

Императорский университет в Санкт-Петербурге